

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ ИНСТИТУТ ЗА ИСТОРИЧЕСКИ ИЗСЛЕДВАНИЯ	
Изходящ №	дата 201 г.
Входящ № <u>362</u>	дата <u>06-07</u> , 20 <u>20</u>
София 1113, бул. Илинченски проход № 52, бл. 17 тел : 02/ 979 29 93 ; факс: 02/ 870 21 91	

РЕЦЕНЗИЯ

для

Научной степени „ ДОКТОР НАУК“

Гуманитарные науки, профессиональное направление

2.2. История и археология (Новая и новейшая история)

Болгарская академия наук

Институт исторических исследований

Секция «История мира и международных отношений в новое и новейшее время»

Приказ директора ИИИ БАН № 26 от 14 мая 2020 г.

доцент д-р **ТЕОДОРИЧКА ИЛИЕВА ГОТОВСКА-ХЕНЦЕ**

Тема диссертации:

БОЛГАРЫ В ЧЕШКО-РУССКОМ КНИЖНОМ ОБМЕНЕ

(30–60-те годы XIX века)

проф. д-р Дарина Григорова

Данные о диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, богатой библиографии (на болгарском, чешском, словацком, русском и немецком языках), с общим объемом 411 с. Представлены 13 публикаций по теме (12 на болгарском, 1 на чешском языке). Архивная база диссертации включает: Литературный архив

в Праге, старопечатное собрание Народного музея Славянской библиотеки в Праге, БИА-НБКМ.

БОЛГАРЫ В ЧЕШКО-РУССКОМ КНИЖНОМ ОБМЕНЕ (30-60 годы XIX века) - интердисциплинарная тема, славистическая, но подход к ней автора исторический и межславянский сравнительный с болгаристским центром, что является одним из вкладов данной диссертации.

Основная внутренняя линия всего исследования Т. Готовской-Хенце – понимание славянского письма как «одного из основных идентификационных кодов в характеристике болгар». Отсюда и авторский анализ, который исследует «переломный момент» в славистике, зачеркнувший первоначальное утверждение о «татаро-тюркском происхождении» болгар [с. 5].

Вторая внутренняя линия – это зримое присутствие Павла Йозефа Шафарика, который еще «начинающим славистом имел гениальную догадку, что происхождение кириллова письма нужно искать среди болгарских славян в окрестностях Солоников» [с. 97].

Глава первая: Достижение международной славистики (до 30-х годов XIX века) анализирует славистические теории характеристик первого славянского книжного языка, чьим носителем является последний славянский народ, открытый заново славистами - болгарский. Фон исследования – чешско-русский книжный обмен и особенный чешский взгляд на русов, «пренебрегаемых веками «неисторических славян» [с. 66], обобщенный Вацлавом Ханка: « Я полюбил русов за их доброту и потому, что легко мог их понимать [...], но в то же время не только во мне зарождалось некое чувство зависти к вам, русам, которое после в Праге еще больше

усилилось [...] Вот русы – думали в себе мы, юноши, слушая об успехах в войне с Наполеоном – сами по себе, они вызывают уважение и страх, а нас, чехов, будто бы в мире и нет. У русов все свое, а у нас так было, но давно уже нет. Почему нет того, что было, и почему не так, как было!» [с. 45]. Шафарик выражает это более кратко: «Мы были духовными рабами немцев» [с. 91].

Первая глава показывает мастерский анализ Т. Готовской-Хенце «мелких деталей» жизни Шафарика, его личной автобиографии, в которой не немецкий романтизм Хердера, а чешский романтизм Юнгмана зажигает славистическую искру в будущем словацком болгаристе. Еще одна «мелкая деталь», но характерная и для славистических контактов Шафарика – это прорусская ориентация Юнгмана [с. 62].

Крупная деталь во всем исследовании – «кирилловский язык» как основной фактор для славянского возрождения, для возвращения славян в историю. Т. Готовска-Хенце исследует «пренебрежительное молчание в преобладающей немецкой историографии с «элитарным подходом к прошлому», делящим народы на «исторические» и «неисторические» - западные славяне, рассматриваемые и как культурно и политически неполноценные [с. 67–68]. Отсюда и вклад Шафарика как «первого славянского ученого, представившего славян в качестве самостоятельного фактора в истории» [с. 86].

Диссертация Т. Готовской-Хенце исследует «кирилловские» измерения славянской взаимности, когда в поисках происхождения древнейшего славянского книжного языка Шафарик приходит к староболгарскому языку, вступая в спор, переросший во вражду, с Бартоломеем Копитаром, узревшим «кирилловскую» колыбель в словенском языке. Основной тезис Венской школы представляет словенский язык базой церковнославянского.

Глава вторая: Чешско-русские славистические контакты и болгары (доакадемический период славистики) исследует «основную связь между языком и народностью через труды чешских и русских ученых» [с. 108]. Т. Готовска-Хенце обосновывает свой выбор термина «славянская общность» с исторической точки зрения, вместо понятия «общее славянское движение» литератора Бориса Йоцова [с. 111].

Глава сосредоточена вокруг связи между академической славистикой и «славянской взаимностью» как идеологией. По точному и романтичному наблюдению Т. Готовской-Хенце – «идеализация прошлого подчинена вере в будущее» [с. 134].

«Славянские древности» Шафарика проанализированы как «политический манифест» [с. 139].

Другой фокус этой главы – особая роль «неспециалиста» Юрия Венелина в повторном открытии болгар как носителей языка святых братьев Кирилла и Мефодия. Проанализирована ключевая роль России в поощрении славистики через Императорскую академию наук и Виктора Григоровича, объехавшего большую часть болгарских земель в Османской империи. Болгаристический результат чешско-русских славистических контактов таков: «всего за несколько лет – между 1837 и 1841 г. – болгары из объекта исследования славистики превращаются в субъект возрождения» [с. 195].

Глава третья: Образование болгар в контексте чешско-русского обмена анализирует роль книжной нормы в формировании национального сознания, «связи нация – кодификация языка» [с. 197]. Прослеживается нить от тезиса о «моральном долге русских» к болгарам у Шафарика: «Русские, сильные и счастливые сегодня, обязаны этим актом любви и благодарности своим некогда сильным, а теперь пребывающим в упадке учителям» [с. 218], в защиту которого выступали также Михаил Погодин, Юрий Венелин, Васил

Априлов. Т. Готовска-Хенце с основанием налегает на „социальный акцент в преподавании славянских языков и литературы“ у Шафарика. [с. 275].

Глава четвертая: Славянская взаимность как политическая идеология анализирует постепенную политизацию чешских славистов, с одной стороны, и такой же постепенный поворот от западных славян к южным при Николае I. В центре этой главы стоит Славянский конгресс в Праге, 1848 г. Проанализированы основные идеи «славянской взаимности» - австрославизм Франтишека Полацкого, доктрина о чешской нации в рамках Дунайской монархии; панславизм Михаила Бакунина с анархистским разрушительным антимонархическим проектом; панславизм Михаила Погодина с русским самодержавием в центре. Измаил Срезневский - один из основных героев этой главы как славянский национальный лидер из Харьковского университета. Неизменен и логичен фокус на исследовании Шафарика как «говорителя» всего славянства» [с. 294], воспринимаемом Веной как „ведущий пропагандист панславизма“ и „панславистская ориентальщина“ [с. 305]. Исторический фон прослеживает развитие русско-чешской академической славистики и книжного обмена в 60-е годы.

Терминологическое замечание:

«к православным причисляются униаты и члены Апостольской армянской церкви» [с.76]. Униаты – это подчиняющееся Ватикану греко-католическое исповедание, то есть католики православного обряда, Армянская церковь так же не является православной, а относится к монофизитским церквям.

Редакторское примечание:

«Русское географическое общество» [с. 156], «Общество истории и русской древности» [с. 310]. Может быть, «дружество» вместо «общество» было бы

точнее в обоих случаях («дружество» — это «общество» в переводе на болгарский язык, слово «общество» в болгарском имеет иной оттенок смысла – *примечание переводчика*).

Рекомендации:

1) К четвертой главе можно было бы добавить в качестве «мелкой детали» возвращение русского интереса от западных славян к южным при Николае I после объявления Австро-Венгрии, 1867. Провал идеи славянской автономии в рамках реформированной империи пробудила русскую западнославянскую политику. Конечно, не на официальном уровне - традиционно дистанцированном, но на общерусскую этнографическую выставку в Москве, май-июнь 1867 г., приглашены все славяне, был и один болгарин. В центре события был праздник свв. Кирилла и Мефодия 11/24 мая, а славянских гостей принимали в Петербурге и Москве 26 дней.¹

2) Было бы хорошо в анализ Александра Пипина включить и рассмотреть и его ключевую статью о чехах и его представление о «славянской солидарности»: „К вопросу о славянской идее. Братья-чехи“, “Вестник Европы”, 1877, 11, 429–443. [в открытом доступе в Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина <https://www.prilib.ru/item/323368>]

НАУЧНЫЙ ВКЛАД

1) документальный:

¹ Вж. Жакова, Н.К. Из истории славянских съездов в XIX в. К 150-летию встречи славян в Петербурге и Москве в 1867 г. – В: PAX LATINA & PAX ORTHODOXA: Славистические исследования: История, культура, литература: В честь 80-летия со дня рождения Александра Владимировича Ли-патова / Отв. редактор Л.Н. Будагова. — М.: ИСл РАН, 2017, с. 155–168.

- введение в научный оборот новых источников по теме диссертации из Литературного архива в Праге;

2) теоретический:

славистический вклад:

- опровержение утвердившегося тезиса о решающем немецком влиянии Хердера на формирование славянского романтизма у Шафарика и доказывание оригинальной авторской идеи о намного более раннем влиянии Юнгмана, породившего славянское мировоззрение словацкого ученого;

- авторский анализ связи «язык-народность» для славянского возрождения, с одной стороны, и отсюда – роли академической славистики как катализатора славянского пробуждения, с другой.

болгаристический вклад:

- раскрытие существенной роли болгарской эмиграции в Одессе в чешско-русском книжном обмене на базе неопубликованных источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация доцента д-ра **ТЕОДОРИЧКИ ИЛИЕВОЙ ГОТОВСКОЙ-ХЕНЦЕ** полностью отвечает высоким требованиям по профессиональному направлению 2.2. История и археология (Новая и новейшая общая история). Рекомендую уважаемому научному жюри присудить ей научную степень **„ДОКТОРА НАУК“**.

Рецензент:

София, 20 июня 2020 г.

Проф. д-р Дарина Григорова